

УДК 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.47.3.5

**СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ
ВЗАИМОСВЯЗИ БУЛЛИНГ-СТРУКТУРЫ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ
В ШКОЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ¹**

Н. Г. Дядык,
ЮУрГГПУ, Челябинск,
djadykng@cspu.ru

Под буллингом понимают физическое и психологическое насилие, которое испытывают на себе учащиеся. Буллинг — это феномен групповой, и он имеет свою структуру. Настоящая статья посвящена изучению взаимосвязи между структурой буллинга и психологической атмосферой в школьном коллективе. В 2022 г. было проведено исследование структуры буллинга в школах города Челябинска и Челябинской области. Выборку составили 467 школьников от 10 до 16 лет, из них 228 мужского и 239 женского пола. Для сбора эмпирических данных использовались методика выявления буллинг-структуры Е. Г. Норкиной и опросник риска буллинга А. А. Бочавер и др.

Результаты исследования показали, что буллинг-структура связана с психологическим климатом в школе. Предикторы буллинга прямо связаны со склонностью детей занимать позиции жертвы, наблюдателя, помощника инициатора травли и обратно с позицией защитника жертвы и инициатора буллинга. Уровень благополучия прямо связан со склонностью занимать позицию инициатора и защитника, а также обратно связан со склонностью занимать позицию жертвы, наблюдателя и помощника инициатора травли. Таким образом, тип буллинга связан с буллинг-структурой, а также местом нахождения школы, ее типом, уровнем небезопасности в классе и полом школьников.

Ключевые слова: буллинг; структура буллинга; системный анализ; агрессия; школьный коллектив.

Для цитаты: Дядык Н. Г. Системный анализ взаимосвязи буллинг-структуры и психологической атмосферы в школьном коллективе // Системная психология и социология. 2023. № 3 (47). С. 61–72. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.47.3.5

Дядык Наталья Геннадьевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск.

E-mail: *djadykng@cspu.ru*

ORCID: 0000-0002-9256-3438

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Шадринского государственного педагогического университета по договору на выполнение НИР «Исследование буллинга как феномена группового действия» заявка № ШК-06-2023/1 от 20.04.2023.

UDC 159.9.07

DOI: 10.25688/2223-6872.2023.47.3.5

SYSTEM ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE BULLYING STRUCTURE AND THE PSYCHOLOGICAL ATMOSPHERE IN THE SCHOOL COMMUNITY²

N. G. Dyadyk,
SUSHPU, Chelyabinsk,
djadykng@cspu.ru

Bullying is understood as physical and psychological violence experienced by students. Bullying is a group phenomenon, and it has its own structure. This article is devoted to the study of the relationship between the structure of bullying and the psychological atmosphere in the school community. In 2022, the research on the structure of bullying in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region schools was conducted. The sample consisted of 467 schoolchildren from 10 to 16 years old, 228 of them male and 239 female. To collect empirical data, the method of identifying the “bullying structure” (E. G. Norkina) and the bullying risk questionnaire (A. A. Bochaver et al.) were used.

The results of the research showed that the bullying structure is associated with the psychological climate at school. Predictors of bullying are directly related to the tendency of children to take the position of victim, observer, assistant initiator of bullying and vice versa with the position of defender of the victim and initiator of bullying. The level of well-being is directly related to the tendency to take the position of initiator and defender, and is also inversely related to the tendency to take the position of victim, observer and assistant to the initiator of bullying. Thus, the type of bullying is related to the bullying structure, as well as the location of the school, its type, the level of security in the classroom and the gender of students.

Keywords: bullying; bullying structure; system analysis; aggression; school staff.

For citation: Dyadyk N. G. System analysis of the relationship between the bullying structure and the psychological atmosphere in the school community // Systems psychology and sociology. 2023. № 3 (47). P. 61–72. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.47.3.5

Dyadyk Natalya Gennadiyevna, PhD of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Cultural Studies of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: djadykng@cspu.ru

ORCID: 0000-0002-9256-3438

Введение

Буллинг является на сегодня международной проблемой. Согласно исследованиям ЮНЕСКО, во всем мире почти треть учащихся подвергались со стороны одноклассников различным формам травли³. В образовательных учреждениях

Российской Федерации явление буллинга также очень распространено. В 2019 г. рамках проекта «Мы считаем» было опрошено 1057 респондентов 10–18 лет, и более половины из них указали на то, что подвергаются травле в школе, 32 % заявили о психологической агрессии, 27 % — о физической [3].

² The work was carried out with the financial support of the Shadrinsky State Pedagogical University under the contract for the implementation of the research project “Research on bullying as a phenomenon of group action” application № SHK-06-2023/1, dated 20.04.2023.

³ ЮНЕСКО: травле подвергается каждый третий школьник в мире [Электронный ресурс] // Милосердие.ру: православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/yunesko-travle-podvergaetsya-kazhdyy-tretij-shkolnik-v-mire/?ysclid=lo46wtjsxe421175281> (дата обращения: 04.09.2023).

Изучая особенности проявления агрессии у детей и подростков, Д. Олвеус⁴ ввел такое понятие, как «буллинг» — особое негативное отношение одних подростков к другим.

Буллинг включает четыре обязательных элемента:

1) неравномерность социальных статусов (обеспеченный – с низким доходом, физически сильный – слабый);

2) систематическое причинение физического или морального вреда (обидные шутки, поджоги и т. д.);

3) умышленное причинение вреда;

4) настрой одной группы лиц против другой (конкуренция школ, классов, групп внутри класса).

Сегодня важной задачей психологов и педагогов является выявление и профилактика буллинга [6; 15]. Ключевую роль в профилактике буллинга играет понимание его статусно-ролевой структуры.

Статусно-ролевая структура буллинга

Ситуация буллинга имеет четкую структуру и детерминирована социально-психологическими причинами и индивидуально-личностными характеристиками участников [20].

Д. Олвеус говорит о круге буллинга, структуре, в которой роли могут переходить от одного участника к другому, причем последовательно и всегда в одном направлении. Роли: жертва (объект травли), буллер (агрессор), последователи (помощники), сторонники (поддерживающие, в том числе и пассивно), наблюдатели (безразличные), пассивные и активные защитники⁵.

Другая классификация участников буллинга принадлежит О. Л. Глазман⁶ и включает буллеров, их помощников, жертв, их защитников, наблюдателей. Ю. Л. Макарова выделяет

роли буллера, помощников, жертвы, защитников жертвы (активные и пассивные)⁷. К. Мелладо и П. Мендес-Бустос в структуре буллинга определяют следующие роли: невовлеченные (свидетели), потерпевший (жертва), агрессор (буллер) [14]. Наиболее полной следует признать классификацию ролей в структуре буллинга, предложенную Д. Олвеусом.

Дадим характеристику каждого участника буллинг-структуры.

Буллеру обычно свойственно антисоциальное поведение, чувство напряжения, усталости, скуки, наличие психологических проблем (тревога, психосоматические симптомы) [2; 3; 8].

Буллер склонен к соперничеству, активен, подвержен сомнениям, обладает высоким уровнем тревожности, впечатлительности, педантичностью, стремится к последовательности действий и поступков. В трудных ситуациях он становится неуверенным и готов впасть в отчаяние [3: с. 450].

Обычно у буллеров высокая самооценка, они склонны к нарциссизму, чувствительны к критике, безразличны к чувствам других, неспособны к эмпатии. В социально-ролевом отношении личность буллера может характеризоваться чрезмерной злостью, садизмом [1; 18].

Д. Олвеус отмечает, что буллеры испытывают потребность в доминировании над другими, стремятся ими управлять, получая удовлетворение от подчинения. Это позволяет им ощущать уверенность в себе⁸.

Жертвами часто становятся здоровые дети или подростки, имеющие высокий уровень тревожности и заниженную самооценку. Жертвы робкие, испытывают трудности в социальном взаимодействии в школьном коллективе. Если родители детей данного коллектива имеют низкий уровень интеллектуального развития и осведомленности в вопросах инклюзивного

⁴ Olweus D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington, DC: Hemisphere (Wiley), 1978. P. 160–183.

⁵ Там же.

⁶ Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета. 2009. № 105. С. 159–165.

⁷ Макарова Ю. Л. Гендерные особенности поведения участников подростковой буллинг-структуры // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 5А. С. 181–192.

⁸ Olweus D. Bully/victim problems in school: Knowledge base and an effective intervention program // The Irish Journal of Psychology. 1997. № 18 (2). P. 170–190. DOI: 10.1080/03033910.1997.10558138

образования, жертвами становятся дети с умственной отсталостью или дети-инвалиды [12].

В исследовании Л. Н. Молчановой, А. А. Кузнецовой, А. В. Фоминой и А. А. Прокофьевой отмечается, что риск буллинга повышается неспособность детей с ограниченными возможностями обучаться вместе со здоровыми сверстниками [3].

Исследователи разделяют жертв в буллинг-структуре на агрессивных и покорных [5; 10; 11; 23]. Покорные жертвы (к которым чаще всего относятся девочки) в целом отличаются замкнутостью. Они испытывают коммуникативные трудности, поэтому стараются избегать сверстников, особенно групп, им дискомфортно посещать школу. Покорным жертвам свойственно чувство вины, критического отношения к себе, самоуничижения, которые усугубляются ситуациями буллинга, в которых жертва, по ее мнению, не смогла за себя постоять. В школе покорные жертвы предпочитают находиться ближе к взрослым [22].

Агрессивные жертвы похожи на буллеров. Среди них больше мальчиков. В ситуации буллинга они могут вести себя агрессивно, поддаваясь на провокации, демонстрировать раздражение, что является формой сопротивления. Ф. С. Осса с соавт. указывают, что такие жертвы могут вести себя агрессивно по отношению к более слабым сверстникам [17]. Они мстят таким образом за провокации со стороны буллеров, но ведут себя так, теряя самоконтроль. Агрессивные жертвы в большей степени отвержены сверстниками, чем пассивные [8; 16].

Жертвами становятся чаще всего тревожные и чувствительные, склонные к виктимному поведению дети, в некоторых случаях отличающиеся этнической принадлежностью, особенностями внешности, низким материальным положением.

Факторами риска приобретения статуса жертвы можно назвать внутрисемейные проблемы, низкий социальный статус, инвалидность, избыточный вес, психосоматические жалобы, низкую самооценку, проблемы со сном, пониженное настроение.

Помощниками буллера обычно являются мальчики. Они зависимы от буллера, но в то же время авторитарны по отношению к другим. Как правило, у них средний уровень притязаний

и самооценки. В группе они обладают низким социометрическим статусом.

Личностные качества помощников буллера не позволяют им занять позиции лидера. Исследователи связывают это с недостатком общения с отцом, поэтому они тянутся к буллеру, который символизирует для них отца [24]. Девочки, становящиеся помощницами буллера, согласно исследованиям С. Кэрон и Ф. Смит, чаще всего сами боятся стать жертвой из-за особенностей внешности или этнической принадлежности [19].

Роль **активных защитников** свойственна признанным лидерам класса. Они обладают высоким социометрическим статусом, высокой самооценкой, их уважают сверстники. В случае прямого конфликта с буллером защитники обычно выходят победителями, поскольку физически более развиты, занимаются спортом, обладают высокими волевыми качествами, решительны [2; 7; 23].

Пассивные защитники осуждают агрессию, но свою позицию не показывают.

Девочки-защитники отличаются красотой, умом и умением подать себя окружающим. Они популярны среди мальчиков, другие девочки часто им завидуют и одновременно стремятся к общению с ними [19].

Наблюдатели играют важную роль в структуре буллинга, поскольку являются для буллера свидетелями его превосходства.

Наблюдатели обособлены от жертвы, буллера и остальных участников ситуации буллинга. Они считают, что ситуация буллинга их не касается. Часто они изолированы в социометрической структуре класса, они боятся за собственную безопасность. М. Л. Тарасенко и А. И. Павлишак отмечают, что следование роли наблюдателя может указывать на страх [8]. Обычно наблюдатели терпимы, имеют высокий социометрический статус и уровень притязаний [13; 16].

Существует тип наблюдателей, которым свойственны садистские наклонности. Они наслаждаются, смотря, как мучают жертву. Такие наблюдатели могут провоцировать буллера на насильственные действия, со стороны следя за происходящим, оставаясь в стороне от ситуации буллинга и уходя таким образом от ответственности [2; 21].

Методика

В 2022 г. было проведено исследование структуры буллинга в школах города Челябинска и Челябинской области. Выборку составили 467 школьников в возрасте от 10 до 16 лет (средний возраст по выборке — 13 лет). Из них 228 мужского и 239 женского пола. 263 — проживают и учатся в Челябинске (Металлургический, Ленинский, Курчатовский районы), 204 — в г. Копейск и селе Миасское Челябинской области. Количественные показатели, отражающие характеристику выборки и особенности исследуемых школ, представлены в таблице 1.

Для сбора эмпирических данных использовались методика выявления буллинг-структуры Е. Г. Норкиной⁹ и опросник риска буллинга А. А. Бочавер и др.¹⁰. Исследование проводилось анонимно среди учащихся из сложившихся классных коллективов.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования (см. табл. 2) показали, что в исследуемых школах положительная психологическая атмосфера: по всем шкалам картина в исследуемой выборке оказалась более благоприятной, чем по полученная

Таблица 1

Характеристика выборки исследования

Показатели выборки исследования		Тип школы				Тип населенного пункта			Всего
		Гимназия	Городская общеобразовательная	Лицей	Сельская общеобразовательная	Большой город	Малый город	Село	
Женский пол	Кол-во	67	53	28	91	134	14	91	239
	%	67,7	44,2	39,4	51,4	50,9	51,9	51,4	51,2
Мужской пол	Кол-во	32	67	43	86	129	13	86	228
	%	32,3	55,8	60,6	48,6	49,5	48,1	48,6	48,8
Всего	Кол-во	99	120	71	177	263	27	177	467
	%	100	100	100	100	100	100	100	100

Среди исследуемых школ гендерное неравенство среди опрошенных школьников наблюдается в гимназии (девочек больше, чем мальчиков, в два раза) и в лицее (мальчиков больше, чем девочек, почти в два раза). В городских и сельских общеобразовательных школах было опрошено примерно одинаковое число мальчиков и девочек. Гендерное неравенство в отдельных школах вызвано тем, что опрашивались ученики отдельных классов.

Обнаруженные факты гендерного неравенства в школах определенного типа следует учитывать при интерпретации результатов исследования. Хотя они являются естественным результатом формирования классных коллективов и не требуют искусственного выравнивания выборки по признаку пола.

на выборке школьников г. Москвы и в общеобразовательной школе поселка Лыткарино (данные стандартизации опросника от 2015 года). В ряде других исследований показатели по шкалам данного указывали на то, что психологическая атмосфера в классах менее благополучна, чем в исследуемой выборке [2; 8; 9]. Однако, эти исследования отличаются относительно небольшими (от 25 до 100 человек) объемами выборки, и в них не всегда участие принимают школьники, образующие единый классный коллектив. В исследованиях,

⁹ Норкина Е. Г. Методика на выявление «Буллинг-структуры» // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 170–174.

¹⁰ Опросник риска буллинга (ОРБ) / А. А. Бочавер и др. // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 146–157.

Таблица 2

Описательные статистики по методике ОРБ

Риски буллинга	Статистики по выборке исследования (<i>n</i> = 467)				Данные стандартизации методики (<i>n</i> = 285)		<i>p</i> (по <i>t</i> -критерию Стьюдента)
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Асим.</i>	<i>Экцесс</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	
Шкала небезопасности	6,95	3,06	0,20	-0,58	8,51	3,2	<i>p</i> < 0,05
Шкала благополучия	6,32	1,58	-0,16	-0,37	6,1	2,2	<i>p</i> < 0,05
Шкала разобщенности	2,56	1,95	0,60	-0,32	2,55	2,14	<i>p</i> > 0,05
Шкала равноправия	3,18	1,95	0,74	1,41	3,98	2,19	<i>p</i> < 0,05

Условные обозначения: *M* — среднее значение; *SD* — стандартное отклонение; *Асим.* — асимметрия; *p* — уровень значимости различий.

участие в которых приняли достаточно большое число школьников (*n* > 200) из районов с разным уровнем урбанизации [1], результаты оказались схожими с полученными нами.

В частности, было установлено, что риск буллинга среди учащихся, принимавших участие в исследовании, находится в пределах среднестатистической нормы. Показатели по шкале «небезопасность» позволяют заключить, что шанс стать жертвами травли у участников исследования ниже, чем у школьников из Москвы. Дело в том, что в исследуемых классах уровень фонового напряжения, связанного с низким качеством отношений и соблюдения правил общения, ниже, поэтому в исследуемых классах менее выражены негативные установки в общении: раздражение, негативизм, подозрительность.

Однако показатели по шкалам-антипредикторам оказались ниже полученных в ходе стандартизации значений, хотя и не выходят за рамки среднестатистической нормы.

В целом в исследуемых классах наблюдается атмосфера, характеризующаяся хорошим качеством отношений и соблюдением правил общения, отсутствием негативных установок по отношению к другим. Шкалы

антипредикторы указывают на то, что в исследуемых школах сложилась психологическая атмосфера, благоприятствующая формированию доверия и общих коллективных ценностей.

Показатели по шкале благополучия позволяют говорить об устойчивости границ и правил коммуникаций в школьной среде. Это обеспечивает снижение уровня негативных установок по отношению к взаимодействию. Показатели по шкале равноправия говорят о незначительном дефиците ресурсов, которые могли бы защитить от проявлений буллинга. Подобная картина наблюдается в большинстве проведенных с помощью данной методики исследований в нашей стране [4; 8; 9]. Можно предположить, что уровень равноправия в российских школах в целом не очень высок.

Таким образом, результаты анализа рисков буллинга позволяют заключить, что в исследуемых школах риски буллинга не являются ярко выраженными. Но это не позволяет говорить о том, что школьники не сталкиваются с травлей или ее элементами. Таким образом, в ходе исследования определялась структура буллинга в исследуемых школах. Для этого применялась методика А. Г. Норкиной (табл. 3).

Таблица 3

Описательные статистики по методике А. Г. Норкиной

Роль в ситуации буллинга	<i>N</i>	<i>Мин.</i>	<i>Макс.</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>Асим.</i>	<i>Экцесс</i>
Инициатор	467	0	14	6,09	2,500	0,142	0,112
Помощник инициатора	467	0	11	4,29	1,846	0,528	0,389
Защитник	467	1	17	9,78	2,801	-0,255	-0,373
Жертва	467	1	13	6,34	2,233	0,308	-0,300
Наблюдатель	467	1	12	4,22	1,571	0,462	0,991

Условные обозначения: *M* — среднее значение; *SD* — стандартное отклонение; *Асим.* — асимметрия.

В исследуемой выборке преобладает склонность занимать позицию защитника в ситуации буллинга. На втором месте стоит склонность занимать позицию инициатора или жертвы буллинга. Менее всего опрошенные школьники склонны занимать в ситуации буллинга позицию помощника инициатора или наблюдателя.

Как представлено в таблице 4, склонность занимать позицию инициатора буллинга выше среди мальчиков, чем среди девочек ($p = 0,0006$).

По остальным ролевым позициям различий между представителями разного пола обнаружено не было.

Рекомендуемая автором методики процедура обработки данных предполагает выявление доминирующей ролевой позиции каждого школьника. Это необходимо делать на основе анализа максимальных значений, полученных по отдельным шкалам (ролям). В ходе исследования оказалось, что некоторые школьники проявляют высокую склонность занимать разные позиции в группе. Например, по шкале «инициатор» у школьника может быть 10 баллов, а по шкале «защитник» — 12 баллов. При этом, согласно предложенной

процедуре подсчета баллов, его следует отнести к категории защитников. Другого школьника, у которого по шкале «инициатор» 8 баллов, а по шкале «защитник» 7 баллов, следует отнести к группе инициаторов буллинга. Но объективно он менее склонен быть инициатором буллинга, чем школьник из первого примера.

Таким образом, в своем исследовании мы применили процедуру стандартизации по следующему алгоритму:

1) перевели сырые баллы в нормализованные баллы ($M = 0$; $MS = 1$) и определили границы высокого, среднего и низкого уровня для каждой роли;

2) определили как доминирующую роль ту, по которой балл у школьника оказался выше среднего (табл. 5);

3) если у школьника ни по одной из шкал не оказалось значения выше среднего, то он был отнесен в группу детей, у которых доминирующая роль не определена;

4) если у школьника по нескольким шкалам оказалось значение выше среднего, то у него была диагностирована склонность к нескольким ролевым позициям в ситуации буллинга.

Таблица 4

Половые особенности буллинг-структуры

Исследуемые параметры		Кол-во	M	SD	Статистики критерия равенства дисперсий Ливиния			Статистики t-критерия	
					равенство дисперсий	F	p	t	p
Инициатор	девочки	239	5,77	2,661	есть	5,63	0,02	-2,777	0,006
	мальчики	228	6,41	2,279				нет	-2,788
Помощник инициатора	девочки	239	4,29	1,812	есть	0,02	0,88	0,071	0,943
	мальчики	228	4,28	1,884				нет	0,071
Защитник	девочки	239	9,57	2,773	есть	0,08	0,78	-1,649	0,100
	мальчики	228	10,00	2,819				нет	-1,648
Жертва	девочки	239	6,44	2,285	есть	0,88	0,35	0,959	0,338
	мальчики	228	6,24	2,178				нет	0,960
Наблюдатель	девочки	239	4,18	1,657	есть	0,90	0,34	-0,632	0,527
	мальчики	228	4,27	1,477				нет	-0,634

Таблица 5

Таблица перевода сырых баллов по методике А. Г. Норкиной в уровень

Уровень	Сырые баллы по шкале				
	Инициатор	Помощник инициатора	Защитник	Жертва	Наблюдатель
Выше среднего	9–14	7–11	13–17	9–13	6–12
Средний	4–8	3–7	7–12	5–8	3–5
Ниже среднего	0–3	0–2	1–6	1–4	1–2

В ходе исследования мы проанализировали ролевые позиции исходя из нашего алгоритма и процедуры, предложенной автором методики. Результаты сопоставления данных представлены в таблице 6.

В частности, роль защитника выражена на уровне выше среднего у 17,3 % школьников, инициатора — у 16,3 %, помощника инициатора — у 12,2 %. Чаще всего в выборке встречалась неопределенная позиция (34,7 % — дети,

Таблица 6

Распределение школьников с разными ролевыми позициями в буллинге
(количество человек из $n = 467$)

Роль в ситуации буллинга		Согласно стандартизированным показателям (высокий уровень)						Итого по сырым баллам (кол-во / %)
		Инициатор	Помощник инициатора	Защитник	Жертва	Наблюдатель	Неопределена	
Согласно максимальному баллу	Жертва	0	10	0	64	22	6	102 / 22
	Защитник	55	18	80	11	45	146	355 / 76
	Инициатор	14	3	1	0	5	1	24 / 5
	Наблюдатель	0	2	0	0	5	0	7 / 1
	Помощник инициатора	0	9	0	1	2	0	12 / 3
	Неопределена	7	15	0	9	11	9	51 / 11
Итого по стандартизированным баллам (кол-во / %)		76 / 16,3	57 / 12,2	81 / 17,3	85 / 18,2	90 / 19,3	162 / 34,7	

Как видно из таблицы 6, согласно максимальным значениям сырых баллов в выборке доминирует стремление занимать позицию защитника (76 % опрошенных). Аналогичные результаты получены в других исследованиях, проводимых с помощью методики А. Г. Норкиной [9]. В качестве жертвы склонны выступать 22 % школьников, в роли инициатора травли — 5 %, в роли помощника инициатора — 5 %. Не определена доминирующая позиция у 11 % школьников: у них наблюдается одинаковое максимальное значение в баллах по нескольким шкалам.

Если ориентироваться на стандартные значения по шкалам (а не на шкалу, по которой у респондента наблюдается максимальное значение в сырых баллах), распределение ролей в выборке выглядит более гармонично.

у которых значения по всем шкалам не превышают уровень средних значений по выборке). Позиция наблюдателя встретилась в выборке в 19,3 % случаев. При использовании нашего подхода к анализу данных оказалось, что количество жертв сопоставимо с количеством буллеров, что кажется более реалистичным, когда мы изучаем реальные классные коллективы.

Заключение

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

1. В школах, которые принимали участие в исследовании, наблюдается благополучный психологический климат. В структуре буллинга в классе отмечено сопоставимое распределение

инициаторов травли, их помощников, жертв и защитников. Большая доля приходится на наблюдателей. При этом около 35 % школьников не имеют выраженной склонности к определенной ролевой позиции в буллинге. Занимать несколько ролевых позиций в ситуациях травли имеют склонность 18 % школьников.

2. Буллинг-структура связана с психологическим климатом в школе: предикторы буллинга прямо связаны со склонностью детей занимать позиции жертвы, наблюдателя, помощника инициатора травли и обратно — с позицией защитника жертвы и инициатора буллинга. Уровень благополучия прямо связан со склонностью занимать позицию инициатора

и защитника, а также обратно связан со склонностью занимать позицию жертвы, наблюдателя и помощника инициатора травли.

Таким образом, тип буллинга связан с буллинг-структурой, а также местом нахождения школы, ее типом и полом школьников. Риск столкнуться с буллингом со стороны одноклассников зависит от места положения школы, склонности к роли наблюдателя и пола ребенка. Риск столкнуться с агрессией в классе зависит от уровня небезопасности в классе и места положения школы. Риск столкнуться с вербальным буллингом зависит от склонности занимать в ситуации травли позицию инициатора. Социальный буллинг связан с типом школы.

Литература

1. **Белеева И. Д., Заглодина Т. А., Панкратова Л. Э., Титова Н. Б.** Сравнительный анализ склонности подростков, проживающих в районах с разным уровнем урбанизации, к буллингу // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 188–194. DOI: 10.26170/ro20-06-21
2. **Жерздев М. Р.** Психологический климат класса как фактор буллинга в школьной среде // Научные исследования молодых ученых: сб. статей IX Международной научно-практической конференции (Пенза, 17 февраля 2021 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 209–211.
3. **Молчанова Л. Н., Кузнецова А. А., Фомина А. В., Прокофьева А. А.** Особенности статусно-ролевой структуры риска школьного буллинга среди подростков [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования: международный электронный научный журнал. 2022. № 4 (58). С. 440–456. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2022-2/22-04/> (дата обращения: 23.10.2023). DOI: 10.32744/pse.2022.4.26
4. **Науменко М. В., Кузнецова О. А.** Особенности риска буллинга подростков, получающих дополнительные образовательные услуги // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. № 6 (172). С. 328–331.
5. **Никулина Н. Н.** Предпосылки формирования буллинга у подростков в образовательной среде // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сб. статей II Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 марта 2022 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 126–128.
6. **Новикова И. С.** Буллинг в современной образовательной среде с позиции отечественных исследователей // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8 (100). С. 129–132. DOI: 10.24158/spp.2022.8.19
7. **Серебрякова П. И.** Влияние позиций студентов в буллинг-структуре на уровень самооценки // XXXIV Международные Плехановские чтения: сб. статей студентов (Москва, 29–31 марта 2021 г.): в 4 т. Т. 4. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2021. С. 215–218.
8. **Тарасенко М. Л., Павлишак А. И.** Исследование взаимосвязи буллинга и агрессивного поведения подростков в образовательной организации // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN422.pdf> (дата обращения: 03.10.2023).
9. **Усеинова Э. С.** Психологические особенности юношей с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 2386–2394.
10. **Cornu C.** An introduction to a whole-education approach to school bullying: recommendations from UNESCO scientific committee on school violence and bullying including cyberbullying / C. Cornu et al. // International Journal of Bullying Prevention. 2022. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42380-021-00093-8#citeas> (дата обращения: 02.10.2023). DOI: 10.1007/s42380-021-00093-8
11. **Dorio N. B., Clark N. K., Demaray M. K., Doll E. M.** School climate counts: a longitudinal analysis of school climate and middle school bullying behaviors // International Journal of Bullying Prevention. 2020. Vol. 2. P. 292–308. DOI: 10.1007/s42380-019-00038-2

12. **Hamstra C., Fitzgerald M.** Longitudinal effects from childhood abuse to bullying perpetration in adolescence: the role of mental health and social problems // *Journal of Child & Adolescent Trauma*. 2022. Vol. 15. P. 869–881. DOI: 10.1007/s40653-021-00409-2
13. **Lönnfjord V., Hagquist C.** Students' perception of efforts by school staff to counteract bullying and its association with students' psychosomatic problems: an ecological approach // *Trends in Psychology*. 2022. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s43076-022-00176-5.pdf?pdf=button%20sticky> (дата обращения: 02.10.2023). DOI: 10.1007/s43076-022-00176-5
14. **Mellado C., Mendez-Bustos P.** Heterogeneity in involvement in school bullying: a latent classes analysis // *Revista Electronica Educare*. 2021. Vol. 25. № 3. P. 1–15. DOI: 10.15359/ree.25-3.4
15. **Nickerson B. A.** Preventing and intervening with bullying in schools: a framework for evidence-based practice // *School Mental Health*. 2019. Vol. 11. P. 15–28. DOI: 10.1007/s12310-017-9221-8
16. **O'Higgins N. J.** Tackling bullying from the inside out: shifting paradigms in bullying research and interventions // *International Journal of Bullying Prevention*. 2020. Vol. 2. P. 161–169. DOI: 10.1007/s42380-020-00076-1
17. **Ossa F. C., Pietrowsky R., Bering R., Kaess M.** Symptoms of posttraumatic stress disorder among targets of school bullying // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2019. Vol. 13. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s13034-019-0304-1#citeas> (дата обращения: 02.10.2023). DOI: 10.1186/s13034-019-0304-1
18. **Ostrov J. M.** Prospective associations between aggression / bullying and adjustment in preschool: Is general aggression different from bullying behavior? / J. M. Ostrov et al. // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. P. 2572–2585. DOI: 10.1007/s10826-018-1055-y
19. **Smith F. K., Caron S. L.** Exploring the experiences and impact of middle school and high school bullying: A qualitative analysis of interviews with college women // *Current Psychology*. 2022. Vol. 42 (2). URL: <https://citation-needed.springer.com/v2/references/10.1007/s12144-022-03267-9?format=refman&flavour=citation> (дата обращения: 02.10.2023) DOI: 10.1007/s12144-022-03267-9
20. **Stark A. M., Hopkins S.** The framing of past bullying experiences: Impact on social decision-making, emotions, and pred // *International Journal of Bullying Prevention*. 2022. Vol. 4. P. 266–284. DOI: 10.1007/s42380-021-00102-w
21. **Xie Z., Man W., Chuanjun L., Fu X.** A PRISMA-based systematic review of measurements for school bullying // *Adolescent Research Review*. 2023. Vol. 8. P. 219–259. DOI: 10.1007/s40894-022-00194-5
22. **Yubero S., Marta de las Heras, Navarro R., Larrañaga E.** Relations among chronic bullying victimization, subjective well-being and resilience in university students: a preliminary study // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 855–866. DOI: 10.1007/s12144-021-01489-x
23. **Zeng L.-H., Hao Y., Hong J.-C., Ye J.-N.** Correction to: The relationship between teacher support and bullying in schools: the mediating role of emotional self-efficacy // *Current Psychology*. 2023. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12144-023-04689-9.pdf?pdf=button%20sticky> (дата обращения: 02.10.2023).
24. **Zsila Á., Urbán R., Griffiths M. D., Demetrovics Z.** Correction to: gender differences in the association between cyberbullying victimization and perpetration: the role of anger rumination and traditional bullying experiences // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. Vol. 18 (1). P. 257. DOI: 10.1007/s11469-018-9926-4

References

1. **Beleeva I. D., Zaglodina T. A., Pankratova L. E., Titova N. B.** Sravnitel'ny`j analiz sklonnosti podrostkov, prozhivayushhix v rajonax s razny`m urovnem urbanizacii, k bullingu [Comparative analysis of adolescences living in areas with different levels of urbanization, to bullying] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. 2020. № 6. P. 188–194. DOI: 10.26170/po20-06-21
2. **Zherzdev M. R.** Psixologicheskij klimat klassa kak faktor bullinga v shkol'noj srede [Psychological climate class as a factor of bullying in the school environment] // *Nauchny`e issledovaniya molody`x uchyony`x: sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Penza, 17 fevralya 2021 g.) [Scientific research of young scientists: collection of articles of the IX International scientific and practical conference]. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2021. P. 209–211.
3. **Molchanova L. N., Kuznecova A. A., Fomina A. V., Prokof'eva A. A.** Osobennosti statusno-rol'evoj struktury` riska shkol'nogo bullinga sredi podrostkov [Features of the status-role structure of the risk of school

bullying among adolescents] [E'lektronnyj resurs] // Perspektivy nauki i obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]: mezhdunarodnyj e'lektronnyj nauchnyj zhurnal. 2022. № 4 (58). P. 440–456. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2022-2/22-04/> (date of access: 23.10.2023). DOI: 10.32744/pse.2022.4.26.

4. **Naumenko M. V., Kuzneczoa O. A.** Osobennosti riska bullinga podrostkov, poluchayushhix dopolnitel'ny'e obrazovatel'ny'e uslugi [Features of risk of bullying of the teenagers receiving additional educational services] // Ucheny'e zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta [Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University]. 2019. № 6 (172). P. 328–331.

5. **Nikulina N. N.** Predposylki formirovaniya bullinga u podrostkov v obrazovatel'noj srede [Prerequisites for the formation of bullying in adolescents in an educational environment] // Aktual'ny'e voprosy' obshhestva, nauki i obrazovaniya. sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Penza, 25 marta 2022 g.) [Current issues of society, science and education. collection of articles of the II International scientific and practical conference]. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2022. P. 126–128.

6. **Novikova I. S.** Bulling v sovremennoj obrazovatel'noj srede s pozicii otechestvenny'x issledovatelej [Bullying in the modern educational environment based on Russian researchers] // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 2022. № 8 (100). P. 129–132. DOI: 10.24158/spp.2022.8.19

7. **Serebryakova P. I.** Vliyaniye pozicij studentov v bulling-strukture na uroven' samoocenki [The influence of students' positions in the bullying structure on the level of self-esteem] // XXXIV Mezhdunarodny'e Plexanovskie chteniya: Sbornik statej studentov V chety'rex tomakh, Moskva, 29–31 marta 2021 goda [XXXIV International Plekhanov Readings: Collection of articles by students in four volumes, Moscow, March 29–31, 2021]. Vol. 4. M.: Rossijskij e'konomicheskij universitet imeni G. V. Plexanova, 2021. P. 215–218.

8. **Tarasenko M. L., Pavlishak A. I.** Issledovanie vzaimosvyazi bullinga i agresivnogo povedeniya podrostkov v obrazovatel'noj organizacii [The research of the relationship between bullying and aggressive behavior of teenagers in an educational organization] // Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]. 2022. Vol. 10. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN422.pdf> (date of access: 03.10.2023).

9. **Useinova E'. S.** Psixologicheskie osobennosti yunoshej s razlichny'mi rolevy'mi poziciyami v bulling-strukture [Psychological characteristics of young men with different role positions in the bullying structure] // Innovacii. Nauka. Obrazovanie [Innovations. Science. Education]. 2021. № 36. P. 2386–2394.

10. **Cornu C.** An introduction to a whole-education approach to school bullying: recommendations from UNESCO scientific committee on school violence and bullying including cyberbullying / C. Cornu et al. // International Journal of Bullying Prevention. 2022. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42380-021-00093-8#citeas> (date of access: 02.10.2023). DOI: 10.1007/s42380-021-00093-8

11. **Dorio N. B., Clark N. K., Demaray M. K., Doll E. M.** School climate counts: a longitudinal analysis of school climate and middle school bullying behaviors // International Journal of Bullying Prevention. 2020. Vol. 2. P. 292–308. DOI: 10.1007/s42380-019-00038-2

12. **Hamstra C., Fitzgerald M.** Longitudinal effects from childhood abuse to bullying perpetration in adolescence: the role of mental health and social problems // Journal of Child & Adolescent Trauma. 2022. Vol. 15. P. 869–881. DOI: 10.1007/s40653-021-00409-2

13. **Lönnfjörð V., Hagquist C.** Students' perception of efforts by school staff to counteract bullying and its association with students' psychosomatic problems: an ecological approach // Trends in Psychology. 2022. DOI: 10.1007/s43076-022-00176-5. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s43076-022-00176-5.pdf?pdf=button%20sticky> (date of access: 02.10.2023).

14. **Mellado C., Mendez-Bustos P.** Heterogeneity in involvement in school bullying: a latent classes analysis // Revista Electronica Educare. 2021. Vol. 25. № 3. P. 1–15. DOI: 10.15359/ree.25-3.4

15. **Nickerson B. A.** Preventing and intervening with bullying in schools: a framework for evidence-based practice // School Mental Health. 2019. Vol. 11. P. 15–28. DOI: 10.1007/s12310-017-9221-8

16. **O'Higgins N. J.** Tackling bullying from the inside out: shifting paradigms in bullying research and interventions // International Journal of Bullying Prevention. 2020. Vol. 2. P. 161–169. DOI: 10.1007/s42380-020-00076-1.

17. **Ossa F. C., Pietrowsky R., Bering R., Kaess M.** Symptoms of posttraumatic stress disorder among targets of school bullying // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2019. Vol. 13. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s13034-019-0304-1#citeas> (date of access: 02.10.2023). DOI: 10.1186/s13034-019-0304-1

18. **Ostrov J. M.** Prospective associations between aggression / bullying and adjustment in preschool: Is general aggression different from bullying behavior? / J. M. Ostrov et al. // *Journal of Child and Family Studies*. 2019. Vol. 28. P. 2572–2585. DOI: 10.1007/s10826-018-1055-y
19. **Smith F. K., Caron S. L.** Exploring the experiences and impact of middle school and high school bullying: A qualitative analysis of interviews with college women // *Current Psychology*. 2022. Vol. 42 (2). URL: <https://citation-needed.springer.com/v2/references/10.1007/s12144-022-03267-9?format=refman&flavour=citation> (date of access: 02.10.2023). DOI: 10.1007/s12144-022-03267-9
20. **Stark A. M., Hopkins S.** The framing of past bullying experiences: Impact on social decision-making, emotions, and pred // *International Journal of Bullying Prevention*. 2022. Vol. 4. P. 266–284. DOI: 10.1007/s42380-021-00102-w
21. **Xie Z., Man W., Chuanjun L., Fu X.** A PRISMA-based systematic review of measurements for school bullying // *Adolescent Research Review*. 2023. Vol. 8. P. 219–259. DOI: 10.1007/s40894-022-00194-5
22. **Yubero S., Marta de las Heras, Navarro R., Larrañaga E.** Relations among chronic bullying victimization, subjective well-being and resilience in university students: a preliminary study // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 855–866. DOI: 10.1007/s12144-021-01489-x
23. **Zeng L. H., Hao Y., Hong J. C. et al.** Correction to: The relationship between teacher support and bullying in schools: the mediating role of emotional self-efficacy // *Current Psychology*. 2023. DOI: 10.1007/s12144-023-04689-9 URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12144-023-04689-9.pdf?pdf=button%20sticky> (date of access: 02.10.2023).
24. **Zsila Á., Urbán R., Griffiths M. D., Demetrovics Z.** Correction to: gender differences in the association between cyberbullying victimization and perpetration: the role of anger rumination and traditional bullying experiences // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. Vol. 18 (1). P. 257. DOI: 10.1007/s11469-018-9926-4